
«Дело» П.Д. Ахлестышева и борьба в правительственных верхах в начале царствования Николая II

Дмитрий Андреев

P.D. Akhlestyshv's «Case» and the Battle at the Top of Government at the Beginning of the Reign of Nicholas II

Dmitry Andreev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870008484-3

В противостоянии тверского губернатора Павла Дмитриевича Ахлестышева (1890—1897) и губернского земства исследователи обычно видели лишь попытки консервативно настроенного администратора препятствовать деятельности либеральных земцев¹. Между тем ещё В.И. Гурко, бегло изобразив конфликт в Твери, связывал его с борьбой, происходившей в правящих кругах Российской империи во второй половине 1890-х гг. По словам мемуариста, министр внутренних дел И.Л. Горемыкин, опытный государственный деятель и мастер политических комбинаций, предпочитая ладить с земством, добился отставки конфликтного Ахлестышева, хотя у того «были большие связи», то есть его увольнение грозило главе МВД появлением «могущественных врагов в правом лагере»².

Характерно, что Ахлестышев с самого начала своей губернаторской деятельности в мае 1890 г. выстраивал отношения с земцами, оглядываясь на Петербург. Так, в сентябре 1891 г. он вызвал И.И. Петрункевича, купившего имение в Новоторжском уезде и ставшего в 1890 г. уездным, а затем и губернским гласным, и передал ему «желание» министра внутренних дел И.Н. Дурново, заключавшееся в том, чтобы он покинул земские учреждения. Как писал затем Ахлестышеву сам Петрункевич, его подозревали в намерении «конспирировать против правительства и его органов», «играть в систематическую оппозицию или фондировать». В случае игнорирования позиции министра губернатор грозил Петрункевичу высылкой из губернии. Столь «категоричная постанова

© 2020 г. Д.А. Андреев

Статья подготовлена в рамках проекта «Память времён» Благотворительного фонда князя Дмитрия Романова с использованием гранта Президента РФ.

¹ Так, Н.М. Пирумова, впервые в советской историографии упомянув об Ахлестышеве, писала, что он был известен «постоянными конфликтами с земскими учреждениями» (*Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 48, 106, 113, 211—212, 220). См. также: *Кривонос М.А.* Мятежное земство. Тверь, 2001. С. 150—151, 176; *Андреев А.Е.* Тверские губернаторы на рубеже XIX—XX вв.: статус и реальные властные полномочия // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Гуманитарные науки и образование». 2014. Вып. 1(15). С. 170; *Андреев А.Е.* Тверские губернаторы на рубеже XIX—XX вв.: стиль работы и образ жизни // Вестник Томского государственного университета. Общественно-научный периодический журнал. 2014. № 389. С. 124.

² *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 78—79.

вопроса» заставила Петрункевича уступить. Но вместе с тем он направил губернатору письмо, уверяя его в том, что всегда стремился исключительно к «безусловному подчинению букве и духу закона, внимательному, честному, прямому и спокойному отношению к предначертанным законодателем задачам земства». О своей «прежней земской деятельности» в Чернигове, которая «была осуждена правительством» и «прервана 13 лет назад» после политических заявлений, Петрункевич упомянул более чем лаконично, отметив, что не в состоянии «быть судьёю» самому себе, но уже «понёс кару», а её «тяжёлые последствия» ощущает «и по сей день»³. Получив это письмо, Ахлёстышев решил дать Петрункевичу шанс вернуться к земской деятельности и обратился к Дурново с соответствующим прошением, которое министр удовлетворил⁴.

Судя по данному эпизоду, в действиях губернатора ощущался не только «административный восторг», как выразился Гурко⁵, но и трезвый расчёт. В дальнейшем, пользуясь относительной стабильностью правительственной политики последних лет царствования Александра III, он время от времени отказывался утверждать гласных или членов управ, а если земцы пытались по-своему толковать и изменять процедуру и порядок работы местного самоуправления, то губернское по земским и городским делам присутствие неизменно отменяло их решения. К примеру, 16 января 1894 г. губернское земское собрание постановило считать свою ревизионную комиссию «постоянным органом», собирающимся по собственному усмотрению для рассмотрения делопроизводства управы и «фактической» ревизии. Но уже 4 февраля губернское присутствие дезавуировало это постановление земского собрания, признав его «выходящим из пределов предоставленных ему прав»⁶.

31 декабря 1894 г. Ахлёстышев написал гр. С.Д. Шереметеву, с которым находился в дружеских отношениях⁷, что собирается «на днях» направить в Петербург земский адрес. По словам губернатора, он не содержал в себе «ничего необычного», однако «по тону и форме» был «крайне резок и неприличен», да и голосовали за него «самым беспорядочным образом». Между тем до Твери доходили слухи (впоследствии оправдавшиеся) о том, что реакция власти на адрес станет «камертоном всего будущего направления»⁸.

Вскоре после того, как император 17 января 1895 г. резко отозвался об адресе во время приёма депутатий в Зимнем дворце⁹, Ахлёстышев сообщил графу о переменах в земском собрании: «Здесь происходит что-то доселе невиданное в течение слишком тридцати лет... Заседания приняли другой характер — занимаются делом»¹⁰. В феврале он писал, что «партия благомыслящих людей», сложившаяся в губернии, «твёрдо восстала против либералов» и «буквально заставила»

³ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 6289, л. 3—4.

⁴ ГА РФ, ф. 102, 3-е делопроизводство, оп. 93 (1895), д. 1719, ч. 1, л. 218.

⁵ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 79.

⁶ Протоколы заседаний Тверского очередного губернского земского собрания 8—13 декабря 1893 г. и 10—16 января 1894 г. и приложения к ним. Тверь, 1894. С. 79, 184 (1-я пагинация).

⁷ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 6448, л. 4. По-видимому, они сблизились во второй половине 1880-х гг., когда гр. Шереметев являлся московским губернским предводителем дворянства, а Ахлёстышев предводительствовал в Бронницком уезде.

⁸ Там же, л. 28 об.—29.

⁹ Подробнее см.: Андреев Д.А. Как мечтания из «безумных» стали «бессмысленными»: к истории речи императора Николая II 17 января 1895 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2011. № 2(20). С. 36—44.

¹⁰ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 6448, л. 30—30 об.

их направить царю «покаянную депешу». Гласные, составлявшие эту «партию», стали обращаться к губернатору «за советами», «просто как к единомышленнику». Его супруге «депутация от имени благомыслящей части тверского дворянства» поднесла букет, заявив о признательности Павлу Дмитриевичу за «стойкость». В противоположном лагере начался кризис, и когда Ахлестышев не утвердил избранных членов земской управы, «посыпались отставки разных неблагонадёжных служащих». «Разорённое осиное гнездо!», — восклицал начальник губернии¹¹.

В то же время поговаривали, что новгородский губернатор Б.В. Штюмер, бывший до назначения председателем тверской губернской земской управы, «обещал этим господам полный успех». На выборах председателя управы не обошлось без подтасовок. Когда стало понятно, что проходит «кандидат правой партии», тверской губернский предводитель дворянства «либерал» Н.П. Оленин, председательствовавший в земском собрании, заявил, будто чёрные и белые баллотировочные шары смешали ещё до того, как он успел проголосовать. По настоянию «правой стороны» его слова запротоколировали, и жалобщик «совершенно скомпрометировался в общественном мнении этим поступком». Ахлестышев ликовал: «Переворот такой крупный, погром такой полный, что мне до сих пор не верится»¹².

Губернатор решил, что фрондерство тверского земства, ставшее притчей во языцех, уходит в прошлое, и даже стал подумывать об оставлении занимаемого поста, считая свою миссию выполненной. В апреле он сообщил гр. Шереметеву, что осенью намерен просить об отставке и ждёт лишь, когда губернским предводителем дворянства станет кн. С.Б. Мещерский — «честный и хороший человек», под руководством которого «все объединятся». Новая атмосфера в Твери удивляла Ахлестышева: «Точно общественное мнение проснулось после долгого сна». Так, В.Н. Трубников, бывший тогда тверским уездным предводителем дворянства, говорил начальнику губернии о своём намерении «приступить к очищению школ от учителей неверующих или известных своею неблагонадёжностью». Всё громче звучало осуждение «земской расточительности», узаконенной «либеральной партией». Впрочем, описывая все эти перемены, Ахлестышев признавал, что они могут оказаться временными, если не получат поддержки сверху¹³.

Между тем в середине октября МВД возглавил Горемыкин. В ноябре тверской губернатор собирался приехать в Петербург, дабы узнать у Горемыкина о тех «указаниях», которые следовало учесть при осуществлении курса, намеченного 17 января 1895 г. в Зимнем дворце¹⁴. Но вскоре он отказался от поездки в столицу, поскольку из МВД от него потребовали «перечислить предварительно вопросы», которые ему хотелось обсудить с Горемыкиным. А ведь Ахлестышев, надеявшийся на более доверительное общение, собирался в «личном докладе» рассказать о ситуации в губернии, назначенных на 16 декабря выборах предводителя дворянства и о возможной победе на них представителя «партии благомыслящих людей». В свою очередь, как писал он гр. Шереметеву, «либеральная партия потянула в Петербург», и в Твери и уездах ходили слухи об увольнении

¹¹ Там же, л. 33—34 об.

¹² Там же, л. 35—35 об.

¹³ Там же, л. 36, 37—37 об.

¹⁴ Там же, л. 42 об.

губернатора¹⁵. Судя по тональности письма, у Ахлестышева нарастала тревога за исход выборов, а надежды на успех «партии благомыслящих людей» таяли на глазах.

В самом конце ноября Горемыкин, ссылаясь на «высочайшую волю», резолюцию Николая II на докладе Дурново о «верноподданнических чувствах» тверских земцев¹⁶ и «милостивый приём» царём 17 мая Оленина, уведомил Ахлестышева, что сама по себе причастность к составлению «известного» адреса (вызвавшего слова императора о «бессмысленных мечтаниях») не может являться «препятствием к ограничению» чьих-либо «личных прав и служебной деятельности, если к тому не имеется в виду других уважительных данных»¹⁷. Это означало, что противники губернатора фактически реабилитировались, а о приёме Оленина царём ему более полугода даже не сообщалось (видимо, Дурново просто не придавал этому особого значения).

Полученные из МВД бумаги Ахлестышев вскоре переслал «более верным способом, нежели по почте», гр. Шереметеву¹⁸. Губернатор был изумлён тем, как Горемыкин трактовал царскую резолюцию, сводившуюся к двум словам: «Очень рад». По словам губернатора, эта резолюция была очень короткой, неинформативной и, главное, не имела никакого отношения к Оленину. Но ещё сильнее удивил его «милостивый приём» императором Оленина после отправленного Дурново сообщения о том, как грубо предводитель «сорвал выборы консервативного кандидата», а сам «в глазах всех ясно себя скомпрометировал». Произошедшее выглядело особенно странно, так как первоначально в Петербурге Дурново лично объявил Оленину о невозможности «допустить его до представления государю». При этом участие предводителя в составлении «покаянной депеши» было «весьма сомнительным»: он и его единомышленники не скрывали, что всего лишь «уступают давлению большинства». Однако скандальнее всего было то, что об этом «милостивом приёме», состоявшемся 17 мая, губернатор узнал лишь перед самыми дворянскими выборами¹⁹. Во всём этом он усматривал двойную игру, мешавшую успеху «благонамеренной партии». И если о Горемыкине Ахлестышев отзывался сдержанно, то Штюмерера резко критиковал и прямо называл координатором тверских либералов, поскольку они (особенно Оленин и О.В. Самарин) часто к нему навевались²⁰.

¹⁵ Там же, л. 44—44 об.

¹⁶ 23 января 1895 г. они единогласно приняли решение телеграфировать министру внутренних дел: «Тверское губернское земское собрание покорнейше просит Ваше высокопревосходительство повергнуть к стопам обожаемого государя верноподданнические чувства беспредельной преданности и верности монарху и беззаветной готовности следовать предначертаниям его величества» (Протоколы заседаний Тверского очередного губернского земского собрания 8—17 декабря 1894 г. и 23—29 января 1895 г. и приложения к ним. Тверь, 1895. С. 36, 1-я пагинация).

¹⁷ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 6289, л. 5—5 об.

¹⁸ Вместе с собственным посланием губернатор отправил ему копии письма Горемыкина и «высочайшей отметки» на всеподданнейшем докладе Дурново, прося по прочтении уничтожить эти документы. Однако граф их сохранил (кроме резолюции императора, которая известна в изложении Ахлестышева).

¹⁹ О том, что император 17 мая принял Оленина, уже через несколько дней напечатала на первой полосе официальная газета МВД (Придворные известия // Правительственный вестник. 1895. 21 мая). Странно, что губернатор не знал об этой публикации.

²⁰ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 6448, л. 52—54, 55.

Почти за неделю до дворянских выборов, 8 декабря, в Твери начались заседания земского собрания, которые сразу же приобрели скандальный характер. За несколько дней до этого свой пост покинул Оленин, и теперь «либеральная партия» использовала любую возможность для обострения ситуации. В самом начале работы Петрункевич протестовал против того, что председательствовавший в собрании Трубников перенёс открытие сессии с 11 часов утра на 7 вечера. Трубников объяснял это необходимостью присутствовать утром в Московской судебной палате и невозможностью послать туда кого-либо вместо себя. По мнению же Петрункевича, палата вполне могла отсрочить своё заседание. Как сообщал по горячим следам Горемыкину Ахлестышев, на тех, кто не видел в действиях Трубникова ничего предосудительного, «резкий тон заявления произвёл тяжёлое и неприятное впечатление»²¹. Затем Иван Ильич стал возмущаться тем, что заниматься приходится в тесном помещении, поскольку в дворянском собрании, где обычно трудилось губернское земство, запланирован танцевальный вечер. Другой представитель «либеральной партии» — Е.В. де Роберти — также заявил, что Трубников «имел полную возможность отменить сегодняшний танцевальный вечер и должен был принять эти меры»²². Однако накалив атмосферу и овладев инициативой, «либералы» добились заметного успеха при избрании редакционной комиссии: к их сторонникам принадлежали не менее 11 из 15 её членов²³.

Далее возникли резкие пререкания при обсуждении текста поздравительной телеграммы, которую кн. Н.С. Путятин (входивший, по словам губернатора, в «партию благомыслящих людей») предложил отправить императору по случаю рождения великой княжны Ольги Николаевны. «Либералы» не возражали, но требовали её предварительного редактирования. Делали они это не без оснований, но в вызывающей и даже оскорбительной форме. Споры об «ошибке языка» и взаимные выпады продолжались несколько дней. Сообщая о них Горемыкину (видимо, ещё до 16 декабря), губернатор писал, что когда князь стал зачитывать проект телеграммы, «раздались восклицания “это безграмотно”», которые «вызвали громкий смех в публике и между гласными так называемого здесь либерального направления». Среди кричавших Ахлестышев упомянул гласных Петрункевича и Бакунина и отметил, что «текст телеграммы внесён в протокол в неточности». Между тем «эта грубая и резкая выходка ещё более оскорбила ту часть гласных, которая зовётся здесь консервативною, тем более что текст телеграммы не оправдывал такого отношения и что выходка имела место в такой торжественный момент». Поэтому и последующие два дня заседания «прошли беспокойно»: «либералы» делали всё, чтобы «стусеть происшествие и скрыть имена лиц, позволивших себе дерзкую выходку», остальные гласные требовали зафиксировать «происшествие» в протоколе и указать его зачинщиков — Петрункевича, Головачёва и Бакунина. В итоге 10 декабря «споры и дебаты» «перешли в крик и шум», и заседание пришлось прервать до следующего дня. Утром 11 декабря Ахлестышев вызвал «главного

²¹ Там же, д. 6289, л. 6—6 об.

²² Протоколы заседаний Тверского очередного губернского земского собрания 8—17 декабря 1895 г. и 22—29 января 1896 г. и приложения к ним. Тверь, 1896. С. 1—3 (1-я пагинация).

²³ Там же. С. 3 (1-я пагинация). Выбрали в неё и отсутствовавшего в первый день Штюрмера. Но уже на следующий день он просил вывести его из состава комиссии, поскольку, будучи губернатором, не мог регулярно участвовать в её работе. Либералы А.А. Головачёв и А.А. Бакунин тщательно уговаривали его остаться. См.: Там же. С. 10 (1-я пагинация).

представителя либеральной кучки» — Петрункевича — и потребовал от него и его единомышленников прекратить подобные выходы, «строго указав на резкость и бестактность их поведения», мешавшего нормальной работе. При этом Петрункевич в разговоре с губернатором «беззастенчиво отрицал», что кричал 8 декабря «это безграмотно». Бакунин, обсуждавший случившееся с земцами, также не признавался в нарушении порядка. 11 и 12 декабря в земском собрании всё прошло благополучно, а протокол заседания 8 декабря был исправлен²⁴.

Как утверждал Ахлестышев, ещё до начала сессии, в ходе работы ревизионной комиссии, «либеральная кучка», от лица которой выступали братья Иван и Михаил Петрункевичи, а также Бакунин, выказала своё «озлобление» в отношении земской управы, а на заседаниях это проявилось «ещё более». Губернатор считал, что при таком положении не исключены «не только резкие, но прямо дерзкие выходы против управы, которые могут вызвать новые волнения и рознь в собрании». Неприязнь либерально настроенных гласных к управе объяснялась, по его мнению, тем, что она была «назначена от правительства» и укомплектована «лицами другого лагеря», тогда как либералы утратили жалованье и оказались «удалены от активного участия в ведении земского хозяйства». Особое же раздражение у них вызывало то, что управа рачительно расходовала земские средства. В конце своего письма Горемыкину Ахлестышев констатировал, что за пять с лишним лет пребывания в должности выявил группу «виновников нарушения» нормальной работы земства. К ней он причислял братьев Петрункевичей, Бакунина, Линда и де Роберти²⁵. Губернатор не сомневался в том, что пока они допущены к земской деятельности, «всегда возможны» такие «печальные явления», как адрес, представленный императору в январе, «неправильный ход занятий» и «постоянное фрондирование против правительства и администрации, внутренние скандалы и беспорядки, терроризирование путём грубостей и дерзостей таких благомыслящих гласных, которые хотели бы только делать своё дело»²⁶.

Однако земская сессия стала лишь прелюдией к столкновению «либеральной партии» с губернатором на дворянских выборах 16 декабря. Незадолго до того Ахлестышев жаловался гр. Шереметеву на то, что «положение очень нехорошее»: открывшееся земское собрание «идёт крайне безобразно, со скандалами, которые приводят в негодование всё общество», Штюмер «во всём этом деле сыграл самую недостойную роль, истинно предательскую», а в Твери распространился слух, будто Горемыкин поручил ему наблюдать за происходящим и сообщать о своих впечатлениях в Петербург, так как начальник губернии якобы нагнетает страсти. На предстоявших выборах губернского предводителя «благомыслящих» представляли князя С.Б. Мещерский и А.А. Ширинский-Шихматов, а «либеральными кандидатами» являлись Н.П. Оленин, О.В. Самарин и А.А. Римский-Корсаков²⁷.

²⁴ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 6289, л. 6—7; Протоколы заседаний Тверского очередного губернского земского собрания 8—17 декабря 1895 г. и 22—29 января 1896 г. и приложения... С. 4, 9—14 (1-я пагинация).

²⁵ Среди них особенно выделялся И. Петрункевич — наиболее влиятельный в силу «склада своих убеждений и хитрости» и наименее разборчивый в средствах.

²⁶ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 6289, л. 7—7 об.

²⁷ Там же, д. 6448, л. 47—47 об., 49, 51.

На дворянском собрании те же представители «либеральной партии», которые недавно высмеивали кн. Путятину за «безграмотность», выступили единым и хорошо организованным фронтом против губернатора. П.А. Корсаков заявил, что при Ахлестышеве дворяне «находятся в совершенно исключительном положении» и часто не утверждаются в должности, полученной «по избранию земства». Более того, в 1895 г. по настоянию губернатора «несколько десятков дворян и дворянок не утверждены в званиях попечителей училищ», в том числе и тех, которые созданы или содержатся ими, и тем самым «достоинство и честь всего дворянства затронуты таким неутверждением». По мнению Корсакова, собранию следовало просить будущего предводителя «представить об этом» министру внутренних дел. Петрункевич пафосно рассуждал о том, что заниматься «оглульными изгнаниями дворян из школы — значит уничтожить ту связь, которая, объединяя сословие, способствует развитию государства». Бакунин утверждал, что интересы и престиж тверских дворян страдали при назначении земскими начальниками «посторонних местному населению лиц». Остальные выступления были выдержаны в этом же духе, и только кн. Путятин выразил своё возмущение услышанным и покинул зал. В результате предводители, «признавая, согласно заявлениям господ дворян, отношения местной администрации к дворянам губернии ненормальными и подрывающими значение дворянства среди других сословий», приняли «без возражений» и без баллотировки решение «просить будущего губернского предводителя дворянства довести о сём до сведения господина министра внутренних дел»²⁸. Губернским предводителем вновь избрали Оленина.

Чиновник судебного ведомства Н.П. Постников, кратко сообщив на следующий день из Москвы министру юстиции Н.В. Муравьёву о случившемся, особо отметил, что видел в зале собрания министра путей сообщения кн. М.И. Хилкова и гр. Шереметева. В Твери Постникову стало известно и о том, как 28 гласных губернского земства «ещё ранее» жаловались Горемыкину на «давление, оказываемое администрацией на земские собрания», а тот «будто бы» ответил, что «верит» им. Со своей стороны, и прокурор тверского окружного суда говорил, что «оба собрания, дворянское и земское, проходят шумно». Любопытно также, что 17 декабря Постников в Москве представлялся Горемыкину, который в тот же день отбыл в Петербург²⁹.

Шереметев, желая поддержать своего друга, прибыл в Тверь ранним утром 16 декабря. Встретившись с Ахлестышевым, он сразу же отметил его озабоченный вид. Начальник губернии и вице-губернатор Н.Н. Усов на всякий случай были в мундирах, поскольку знали, что в городе ночью проездом находился Горемыкин, но не были уверены в том, выехал ли он. Эта неопределённость сама по себе создавала напряжённую ситуацию. К тому же Ахлестышев ещё до выборов не скрывал от графа, что ждёт для себя неприятностей и опасается «нового направления», наметившегося в деятельности МВД с приходом Горемыкина. Среди участников дворянского собрания гр. Шереметев встретил кн. Хилкова и Штюмерера — у обоих были имения в Бежецком уезде, но привело их на выборы не чувство сословной солидарности, а скорее предвкушение громкого скандала. Кн. Хилков и Штюмерер сидели рядом, никак не реагировали на происходившее и хранили молчание. При этом кн. Хилков наивно

²⁸ Государственный архив Тверской области (далее — ГА ТО), ф. 645, оп. 1, д. 6967, л. 77—79.

²⁹ РГИА, ф. 1495, оп. 539, д. 246, л. 1—2 об.

признался гр. Шереметеву, что впервые присутствует на дворянском собрании. Между тем, по словам графа, оно пошло «нервно и беспорядочно». Председательствовавший Трубинов был «невозможен» и не контролировал выступавших, которые скатывались к «пререканиям на личной почве» и позволяли себе «резкие выходки». Тем не менее новгородский губернатор «сиял» от удовольствия. Гр. Шереметев был уверен, что «эта гадина в центре интриги и агитации». По мнению гр. Шереметева, Штюмер «примазался» к главе МВД и сыграл роль его «агента», обеспечив «торжество интриги самой гнусной». Ахлѣстышев же «держал себя с большим достоинством и спокойно». «Благородные люди!», — восхищался им и Усовым граф. И всё же ему казалось, что «глупо видеть торжество интриги — исходящей из Петербурга под покровом Горемыкина»³⁰.

Для Шереметева сущность политики Горемыкина «красноречиво» характеризовалась уже тем, что товарищем министра внутренних дел 14 декабря стал либеральный судебный деятель Н.А. Неклюдов³¹. В Твери об этом назначении уже знали, и «оно произвело своё действие в зале». «Наши “напредняки” лику-ют», — с раздражением писал в дневнике граф, уподобляя руководство МВД и тверских дворян сербским прогрессистам. «Каково положение? — возмущался граф. — Прихожу к убеждению, что нужно всё раскрыть Самому». Видимо, уже тогда он решил обратиться за помощью к императору³².

Почему Горемыкин и Штюмер затеяли интригу против Ахлѣстышева? Обычно хорошо осведомлённый кн. В.П. Мещерский уже на следующий день после дворянских выборов в Твери заявил, что «красные» были уверены: «Правительство не решится поддержать своего губернатора»³³. Причину этого он видел в моде на «законность», которая «на языке либералов» противопоставлялась «административной власти»³⁴. Тем самым тверской конфликт превращался в эпизод схватки «либералов» с «русским правительством»³⁵. При этом, критикуя «законников», особенно «либеральной окраски», князь отмечал, что они «бывают необыкновенно деспотичны, когда идёт речь о применении законности к оценке действий какого-либо административного лица, например, губернатора»³⁶. В статье «Законность или самодержавие?» кн. Мещерский писал: «Явились новые назначения: новое лицо поставлено было во главе того министерства, в котором сосредоточены все нервы и узлы правящей и охраняющей власти в России, и сильнее, чем прежде, стало раздаваться слово “законность”; оно явилось уже прямо новым политическим началом, для прославления и торжества которого, по смелому уверению всех органов нашей печати, будто бы явился новый министр внутренних дел. Провожая истекший год и встречая новый, печать ещё громче и ещё настойчивее заговорила о наступающей для

³⁰ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5041, л. 150.

³¹ Николай Адрианович Неклюдов начал свою судебную карьеру в середине 1860-х гг. петербургским мировым судьёй, защитил магистерскую диссертацию по уголовному праву, служил старшим юрисконсультом в Министерстве юстиции, состоял обер-прокурором Уголовного кассационного департамента (1881—1885) и Соединённого присутствия Первого и кассационных департаментов Сената (1885—1893), в 1893—1895 гг. являлся товарищем государственного секретаря при Н.В. Муравьёве и В.К. Плеве.

³² РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5041, л. 150.

³³ Гражданин. 1895. 18 декабря.

³⁴ Там же. 19 декабря.

³⁵ Там же. 21 декабря.

³⁶ Там же. 25 декабря.

России новой эре возрождения, заключающегося, будто бы, в усилении законности». Несовместимость подобного законничества с самодержавием для князя была очевидна³⁷.

Впрочем, у Штюмера, также начинавшего свою службу в судебном ведомстве, могли быть и иные соображения. В конце 1903 г., будучи уже директором Департамента общих дел МВД, он составил записку о том, что собой представляли тверские земские учреждения в конце XIX — начале XX в. Вспоминая о том времени, когда ему довелось возглавлять губернскую управу, Штюмер утверждал, что вокруг него начала складываться «новая партия» и «общее течение дел в тверском земстве приняло несколько иное направление», более конструктивное. Конечно, это было явным преувеличением, но характерно, что Штюмер изображал себя именно как реалистически настроенного и готового к разумным компромиссам земца. Ахлестышев (не названный, но легко узнаваемый) представал в записке полной противоположностью: «для местной администрации значение совершавшихся на её глазах событий не всегда представлялось вполне ясным», «успокоение» земства она ошибочно истолковала как свидетельство его немощи и решила «окончательно обессилить либеральную группу», что и помешало утвердиться «средней партии»³⁸.

О том, что «дело» Ахлестышева имело вовсе не губернское значение, свидетельствовала и аудиенция гр. Шереметева у Николая II, состоявшаяся 20 декабря. Перед ней граф написал императору письмо о своём «удручающем» и «тяжком» впечатлении от выборов в Твери и о замеченной им «явной связи», соединяющей «антиправительственные элементы незначительной группы» и некоторых представителей МВД, оказавшихся «в центре интриги», нацеленной против Ахлестышева, выступавшего «истинным исполнителем своего долга» и отданного на растерзание «антиправительственным элементам» при попустительстве министерства. Граф сетовал на то, что намерение Николая II неукоснительно следовать курсом своего отца, заявленное 17 января 1895 г., «находит лицемерных исполнителей в некоторых высших правительственных сферах», а они пытаются «вселить убеждение» в обратном — будто царю «благоугодно было избрать новый путь»³⁹.

Прибыв на аудиенцию в Царское Село, гр. Шереметев передал письмо через камердинера и стал дожидаться своей очереди. Когда он зашёл к императору, тот сразу же сообщил, что уже прочитал написанное графом. Увидев в этом готовность обсуждать тверские дела, гр. Шереметев стал жаловаться на Штюмера, который своим «безобразным образом действий» способствовал обострению конфликта. Царь явно недоумевал, какое отношение к дворянским выборам в Твери имел новгородский губернатор, и тут же услышал о ночном проезде Горемыкина, о его контактах со Штюмером и слухах о «давлении из Петербурга» на Ахлестышева и недоверии к нему главы МВД. Граф вспоминал о неудачной попытке своего друга посетить столицу перед земскими выборами, уверял, что тот, вопреки разговорам, «совершенно здоров и никогда не заявлял о желании уходить» и т.п. Но больше всего в тверской истории гр. Шереметева беспокоило появление группы высокопоставленных лиц, подталкивавших молодого императора к отказу от курса отца и к возвращению к политике деда.

³⁷ Там же. 1896. 4 января.

³⁸ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1842, л. 13 об.—14 об.

³⁹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5041, л. 153.

На это монарх отреагировал «тихо, но твёрдо»: «Я им покажу!» Граф, почувствовав, что задел за живое, стал открыто критиковать Горемыкина, его единомышленников и Государственный совет, где «несколько человек голоснут — и остальные...» Николай II даже не дал собеседнику договорить, сочувственно добавив: «Панургово стадо!»⁴⁰.

Подводя итог, граф констатировал: «корень зла — в Министерстве внутренних дел», глава этого ведомства «должен быть человек самостоятельный и никак не подставное лицо». Император, по-видимому, впечатлённый услышанным, отвечал: «От души благодарю вас, что вы меня предупредили». Затем он не просто подал руку, но поцеловал графа, говоря: «Я знаю... вы во всякое время приходили к моему отцу, прошу вас также приходите ко мне во всякое время. Для вас у меня всегда будут двери настежь!» Последние слова были сказаны им нарочито громко. Весь разговор происходил у дверей в царский кабинет, граф поначалу старался пройти дальше, чтобы ожидавший своей очереди министр юстиции не слышал беседы, но, возможно, Николай II добивался именно этого и обращался не только к гр. Шереметеву, но и к стоявшим за дверями⁴¹.

В тот же день гр. Шереметев был принят вдовствующей императрицей в её гатчинской резиденции. Мария Фёдоровна, негативно относившаяся к Горемыкину, с нетерпением ждала рассказ об аудиенции и, выслушав его, не скрывала радости. Как и граф, она усматривала в назначении Неклюдова «целую программу», отличавшуюся от объявленной императором вскоре после восшествия на престол, и вспоминала предостережения «чиновников и юристов» о том, что кандидата надо искать не в их среде. Гр. Шереметев при этом отметил, что если император решит заменить министра внутренних дел, следует избегать прежних ошибок и действовать, «руководствуясь только велением сердца — не обращаясь ни к кому — ибо нет ни одного человека, который мог бы подать ему беспристрастный совет»⁴².

Между тем, пока гр. Шереметев обвинял Горемыкина, его друг Ахлёстышев пытался объясниться с министром. Его первое письмо, отправленное в МВД 18 декабря, по свежим следам скандального заседания, не сохранилось. Но 26 декабря он обстоятельно изложил итог своих размышлений о случившемся. Губернатор аргументированно доказывал предвзятость и незаконность постановления, принятого «либеральной партией» «без баллотировки» и подписанного только предводителями, а не всеми дворянами, участвовавшими в заседании, как это требовалось законодательством. Более того, даже некоторые предводители «остались при отдельном мнении», а иные дворяне письменно заявляли о несогласии с постановлением. В своих выступлениях Петрункевич и Корсаков грубо искажали факты, утверждая, в частности, будто губернской администрацией не утверждены попечителями училищ более 60 человек, тогда как таковых насчитывалось лишь 17. Делалось это «единственно с целью устроить скандал»⁴³.

Вместе с тем Ахлёстышев прямо указывал, что «общественное мнение громко называет» Штюмерера «одним из вожаков интриги», и хотя он не высту-

⁴⁰ Там же, л. 152—153.

⁴¹ Там же, л. 153—154.

⁴² Там же, л. 154.

⁴³ Там же, д. 6289, л. 8—8 об.

пал, но, «по отзыву некоторых лиц», неявно «своим влиянием способствовал» скандалу. Жаловался губернатор и на публичное разглашение Олениным конфиденциального письма главы МВД губернскому предводителю дворянства. При этом Ахлестышев напомнил Горемыкину, что в 1894 г. напротив высказанного им во всеподданнейшем отчёте суждения о необходимости образования из местных земцев «благонадёжной партии», которая позволила бы «смело надеяться на изменение всего хода земского дела в губернии», император отметил: «Одной надежды мало! Этого следует достигнуть во что бы то ни стало». Руководствуясь этими словами, губернатор призывал министра безотлагательно принять решительные меры против оппонентов данной «благонадёжной партии» и, как минимум, не допускать их до участия в дворянских и земских собраниях. В противном случае, по его мнению, были неизбежны «новые скандалы и беспорядки», а ситуация, когда «небольшая кучка людей, не брезгающих средствами для достижения своих целей», при помощи «гласности и дерзости» способна «терроризировать» людей «равнодушных» и «малодушных», выглядит «зрелищем, глубоко развращающим всё общество»⁴⁴.

31 января 1896 г. Ахлестышев направил Горемыкину ещё одно письмо, вновь обвинив Штюрмера в причастности к «интриге», осуществлённой 16 декабря. Ссылаясь на мнения «лиц, бывших свидетелями происходившего в собрании», губернатор утверждал, что тот «не только сочувствовал демонстрации, но и явно поддерживал её». Так, он публично одобрил доводы Петрункевича, доказывавшего несостоятельность претензий тех, кто протестовал против выдвинутой резолюции, и настаивавшего на том, чтобы их возражения не учитывались. Когда предводители совещались по этому поводу, Штюрмер разговаривал с ними, а на следующий день убеждал кн. Путятина в том, что дворяне протестовали «совершенно напрасно», поскольку «такое постановление является совершенно логичным и законным» и не содержит в себе ничего оскорбительного для тверского губернатора. Таким образом, заключал Ахлестышев, роль Штюрмера «здесь, по-видимому, ни для кого не составляет тайны»⁴⁵.

Однако гр. Шереметев, видимо, не зря считал Штюрмера всего лишь исполнителем указаний Горемыкина. Во всяком случае, после обращений Ахлестышева министр начал против губернатора настоящую войну. В марте 1896 г. Ахлестышев сообщил гр. Шереметеву о том, что начальнику Тверского губернского жандармского управления кн. А.Л. Девлет-Кильдееву вдруг «ни с того ни с сего предложено было подать в отставку». Удивлённый полковник отправился за разъяснениями в Петербург, где начальник штаба Отдельного корпуса жандармов и директор Департамента полиции дали понять, что у них никаких претензий нет, но всё зависит от решения министра. Когда князь дошёл до Горемыкина, тот прямо заявил, что «не верит никаким донесениям из Тверской губернии», в том числе и «донесениям местной администрации», но о происходящем там он «лично лучше знает». На прямой вопрос кн. Девлет-Кильдеева о том, что ему следует делать, Горемыкин ответил: «Вы мне не подходите. Я не сумею передать вам, что я требую, я не могу перелить, так сказать, в вас мои взгляды и идеи. Вам нужно самим догадаться, что нужно»⁴⁶.

⁴⁴ Там же, л. 8 об.—9 об.

⁴⁵ Там же, л. 12—13 об.

⁴⁶ Там же, д. 6448, л. 70 об.—71 об.

Ахлёстышева крайне задело и то, что к коронации Николая II вместе с ним ленты получили Штюмер и Оленин. В письме гр. Шереметеву губернатор признавал, что награждение Штюмера его «мало касается», хотя «правительству необходимо было бы подчёркивать в своих действиях нравственный принцип». Но ленту Оленина он воспринял буквально как личное оскорбление. «Что подумают теперь в Твери? — вопрошал Ахлёстышев. — Как после этого не поверить разным слухам, которые так охотно распространяют в обществе, о поддержке либеральных принципов самим правительством?» По словам директора Департамента общих дел МВД барона Н.А. Гревеница, утверждать кандидатуру Оленина «затруднялись» и дали орден «только потому, что другой кандидат не многим лучше». Ахлёстышев считал, что на этом фоне смысл его собственного награждения «совершенно теряется», а виной всему — «всё та же уклончивая политика»⁴⁷.

В сентябре 1896 г. тверской губернатор убеждал гр. Шереметева в том, что Департамент полиции подыгрывает «революционной партии». Так, несмотря на очевидную причастность Ф.И. Родичева к составлению и распространению «возмутительной брошюры» «О царствовании Александра III», в Петербурге распорядились «приостановить следствие» и выразили явное недовольство тем, что местные власти «слишком поспешно ведут следствие о таком известном лице и крупном землевладельце». Спустя некоторое время Ахлёстышев вновь жаловался графу на то, что в Департаменте полиции «хотят замазать» причастность Родичева к появлению крамольной книжки, а сотрудникам ГЖУ направляют «неприятные письма»⁴⁸. Павел Дмитриевич по-прежнему регулярно доносил в МВД о действиях «либеральной партии» во вверенной ему губернии, но делал это, по собственному признанию, больше «для очищения совести», нежели в надежде на перемены. «Кажется, не было хуже времени, — писал он гр. Шереметеву в ноябре 1896 г. — Эпоха Лорис-Меликова всё-таки лучше — там, по крайней мере, прямо писали конституцию. А теперь? Горемыкин старается меня ловить на чём-то»⁴⁹.

Правда, в начале весны 1897 г. в письмах Ахлёстышева снова появился давно уже не свойственный ему оптимизм. Летом в губернии были намечены очередные земские выборы. «Ожидается ожесточённая борьба двух партий, — уверял губернатор графа. — Партия порядка здесь окрепла; на это теперь у меня есть доказательства — и всё это вопреки Петербургу!»⁵⁰.

Но чуда не произошло. «Партия порядка» проиграла выборы «либеральной партии», сила которой, по признанию Ахлёстышева, заключалась в том, что «либералы всегда всё знают лучше нас — и очень солидарны»⁵¹. В конце лета Павел Дмитриевич уже собирался уйти в отставку. Своё решение он объяснял гр. Шереметеву тем, что не в состоянии больше противостоять одновременно «двум стихиям» — местной «либеральной партии» и поддерживавшему её Петербургу. «Отстоять свой пост я могу, — полагал губернатор, — но достигнуть чего-либо при неблагоприятном влиянии из Петербурга я не в состоянии... Я теперь подошёл к стене, и далее идти некуда». Все меры по наведению по-

⁴⁷ Там же, л. 77—78.

⁴⁸ Там же, д. 6449, л. 21 об., 33.

⁴⁹ Там же, л. 38—38 об.

⁵⁰ Там же, л. 60 об.

⁵¹ Там же, л. 51 об.

рядка, которые им предлагались, в МВД игнорировали. Между тем Ахлѣстышев с горечью отмечал, что эти меры даже и не потребовались бы, прояви правительство «известную последовательность». Однако если сначала оно выступило «очень определённо против либеральных веяний», то впоследствии «стало отступать», и всё, что было достигнуто, из-за позиции, занятой МВД, «пошло насмарку». В результате «никто не верит в твёрдость правительства и его последовательность», а «красная партия сильно подняла голову». Но и эту ситуацию, полагал Ахлѣстышев, можно было бы исправить, если бы власть консолидировала свои силы на летних выборах. Однако вместо этого МВД «всё время старалось подрывать» губернаторский авторитет и одновременно оказывать чуть ли не официальную поддержку «красной партии». Поэтому в большинстве уездов губернии победили либералы, тогда как «консервативная партия почувствовала свою слабость»: её лидеры «сложили оружие и не баллотировались» или же «были забаллотированы». Губернатор предвидел, что новые управы окажутся под стать земским собраниям, и утверждать их «по совести» он просто не сможет. Сохранив должность, Ахлѣстышев вынужден был бы «сознаться в своём бессилии» и оказаться «беспомощным свидетелем» непрекращающихся скандалов. Безусловно, его уход означал победу «либеральной партии», но она оказалась бы ещё более убедительной в том случае, если бы он остался во главе губернии, но ничего не мог противопоставить своим противникам⁵².

В сентябре 1897 г. Ахлѣстышев отправил Горемыкину прошение об отставке и 1 ноября покинул пост губернатора. Однако напоследок ему удалось высказать императору свои мысли о том, что происходило в губернии и в правительственных кругах в середине 1890-х гг. Аудиенция состоялась 14 января 1898 г., в тот же день её подробное описание было отослано Шереметеву⁵³.

Беседа началась с вопроса Николая II о причинах, побудивших Ахлѣстышева просить об освобождении от губернаторских обязанностей. Павел Дмитриевич прямо ответил, что решился на этот шаг, поскольку не получал поддержки от МВД «ни в какой отрасли управления» и не знал, как поступать с «группой людей вредного направления». Ахлѣстышев напомнил, что, когда он принял губернию, такие деятели «почти исключительно и бесконтрольно» вершили «все общественные дела» и ему пришлось «суровыми административными мерами вызвать среди местного общества протест против существующего режима». Император сказал, что осведомлён о том, как его собеседник боролся «так настойчиво и притом столько лет». Ахлѣстышев, видимо, ободренный этой фразой, с энтузиазмом принялся рассказывать о своём противостоянии «группе лиц противоправительственного направления», вспоминал, как ему удалось выявить «вредный эгоистически-партийный характер» их целей и «употребляемых ими нечестных приёмов», как он не утверждал в должностях тех, от кого «нельзя ожидать полезной и соответствующей видам правительства деятельности». Он занимался этим, несмотря на «всякие затруднения» от МВД, до тех пор, пока из Петербурга ему не заявили, вопреки приводимым фактам, что не считают деятельность этой группы преступной, поскольку «она не нарушает ни закона, ни порядка и при этом не имеет политической подкладки». «Смотреть сквозь пальцы на всё происходившее» губернатор счёл для себя невозможным. Николай II поинтересовался, когда МВД дало «такое разъяснение». «В начале

⁵² Там же, л. 75—75 об., 77 об.—78, 79—79 об.

⁵³ Там же, л. 86—89 об.

нынешнего лета, Ваше величество», — ответил Ахлѣстышев, очевидно, имея в виду 1897 г. и почему-то умолчав о более ранних объяснениях с Горемыкиным. Затем он быстро перевёл разговор на другую тему, сосредоточившись на том, что эта «группа лиц» вовсе «не пользуется сочувствием населения». Однако император явно продолжал думать о позиции МВД. Ласково улыбнувшись и глядя на собеседника в упор, он спросил: «Скажите, отчего Вы мне не написали об этом? Ведь Вы же видели мои отметки на Ваших отчётах?.. Ведь всякий, не только Вы, имеет право обратиться ко мне... Вы не подумали?» Ахлѣстышеву оставалось лишь сознаться: «Я не смел, Ваше величество». Завершая аудиенцию, Николай II ещё раз подтвердил, что ценит усилия Ахлѣстышева, крепко пожал собеседнику руку и на прощание повторил: «Я Вашу службу не забуду»⁵⁴.

«Дело» Ахлѣстышева наглядно продемонстрировало, что, несмотря на жѣсткий ответ царя на адрес тверских земцев 17 января 1895 г., стилистика и приѣмы внутренней политики, а также представления её творцов о допустимом и недопустимом радикально и безвозвратно изменились по сравнению с царствованием Александра III. Люди, разделявшие его политические ценности, могли теперь рассчитывать лишь на частичные «ремиссии» — такие, как назначение Д.С. Сипягина министром внутренних дел в 1899 г. При этом характерно, что доверие императора к Горемыкину осталось непоколебленным, а сам Иван Логгинович оказался для Николая II поистине незаменимой фигурой и впоследствии дважды возглавлял правительство.

---

⁵⁴ Там же. 17 января 1898 г. «Правительственный вестник» сообщил, что Ахлѣстышев был принят императором в числе более 50 представлявшихся лиц. Судя по камер-фурьерскому журналу, приём продолжался около двух часов — с полудня до без четверти два (РГИА, ф. 516, оп. 1(219/2728), д. 6, л. 47а—47а об.). При этом в список представлявшихся в тот день, написанный чернилами и вклеенный в журнал, фамилия Ахлѣстышева внесена карандашом (Там же, л. 48—48 об.). Возможно, бывший губернатор был всё же принят отдельно от других представлявшихся, что и позволило ему сравнительно долго беседовать с царём с глазу на глаз на довольно деликатную тему. Скорее всего, эта аудиенция заранее не планировалась, и в журнал упоминание об Ахлѣстышеве вписали позже, для простоты присоединив его к остальным.